

В.Г. ФЕДОТОВА

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация:** Автор обсуждает цивилизационные и модернизационные историю и перспективы России, и обращается к следующим аспектам: 1) периодизация российской истории в оптике модернизации; 2) модель российской модернизации 1990-х годов, которую автор называет модернизацией «другой» Европы, переход от этой модели к предложенной автором национальной модели модернизации, подходящей условиям глобального капитализма и третьей современности – то есть, «новому Новому времени для незападных стран». Эти модели показывают совместимость цивилизационных и модернизационных подходов; 3) коды российской идентичности и прецедентные феномены культуры; 4) промежуточные институты как концептуальная новация российских экономистов, сближающая модернизационные и цивилизационные интерпретации; 5) кризис доверия как контекст и препятствие модернизационных и цивилизационных перспектив России.*

***Abstract:** The author discusses history and prospects of Russia's civilizational and modernization models with a reference to: 1) the author proposes periodization of Russian history in the context of modernization; 2) the author proposes the model of Russian modernization of the 1990s (modernization of the «other» Europe), transition from this model to the national model of modernization (the model that is suitable for the conditions of global capitalism and the third modernity – i.e., «the new New Age for non-Western countries»); 3) codes of Russian identity and precedent phenomena of culture; 4) intermediate institutions as a conceptual innovation of Russian*

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН (Москва). E-mail: val_fedotova@mail.ru.

economists, bringing together modernization and civilizational interpretations; 5) a crisis of trust as a context and an obstacle for Russian modernization and civilizational prospects.

Ключевые слова: *Россия, история России, «другая» Европа, цивилизация, модернизация, национальная модель модернизации, коды коллективной идентичности, культура, доверие, промежуточные институты.*

Keywords: *Russia, history of Russia, modernization of “the other” Europe, civilization, modernization, national model of modernization, codes of collective identity, culture, trust, intermediate institutions.*

Предисловие. Перед тем, как перейти к самой статье, хотелось бы предварить её несколькими комментариями. Во-первых, я признательна Юрию Михайловичу Резнику, главному редактору данного альманаха, за предоставление социальным теоретикам ежегодной тематической площадки для высказывания идей по поводу российского цивилизационного проекта. Актуальность подобной задачи трудно переоценить, особенно сегодня в наше нелёгкое время. Альманах позволяет концентрированно проблематизировать российское прошлое, настоящее и будущее.

Во-вторых, не могу не высказать горечи от новости, что журнал «Личность. Культура. Общество», который также основал Юрий Михайлович и был его бессменным руководителем, прекращает своё существование. За последние несколько лет мы все пережили и переживаем много болезненных разрывов с прошлым, разрывов повседневности, вызванных текущими событиями (пандемия, кризис противостояния с западными странами и пр.). Завершение выхода этого замечательного журнала становится ещё одним ударом в череде быстрых и негативных современных социальных изменений. Это – большая утрата для философского сообщества. Я благодарна Юрию Михайловичу за годы, проведенные вместе с журналом.

В-третьих. Я много писала о модернизации и её моделях, российской модернизационной специфике, российской идентичности, значимости учёта культурного контекста в проектах развития. Поэтому буду обращаться в данной статье к высказанным мною ранее идеям, предложенным концепциям и методологиям.

Российская история в модернизационной оптике

История нашей страны, как и любой другой страны в мире, обладающей многовековым опытом, сочетает в себе целостность и

противоречивость, трагические разрывы, изменения территорий и сакральных смыслов. Философия российской истории, сформированная как концептуализация исторического прошлого, способна объяснить не столько прошлое, сколько *настоящее и будущее*. Наш замысел состоит в том, чтобы на материале российской истории показать *значение модернизации и её этапов в историческом развитии России*, содержательно дифференцировать модели модернизации, выделить их проявления в российской истории. Мне хотелось бы *преодолеть убеждение, что исконная традиция российского развития не связана с модернизацией, и, что в поисках этой традиции следует обращаться к архаике*.

Определив *признаком исторических этапов способность к модернизации*, а не расселение народа и увеличение силы государства, я следующим образом модифицировала периодизации российской истории, предложенные российскими историками С.Ф. Платоновым и В.О. Ключевским.

Древний период – от образования славянских племен до Василия Темного.

Средний период – от Ивана III (конец XV в.), Ивана Грозного (вторая половина XVI в.), Алексея Михайловича (вторая половина XVII в.), Петра I (начало XVIII в.), до Елизаветы (середина XVIII в.) и Екатерины II включительно (конец XVIII в.).

Новый период – XIX в. От Александра I (начало XIX в.), Николая I (середина XIX в.) до Александра II (конец XIX в.).

Новейший период делится мною на две части.

Новейший период – XX в. Николай II (первая треть XX в.), большевики и коммунизм (последние две трети XX в.), антикоммунистическая революция (конец XX в.).

Новейший период – начало XXI в. Посткоммунистическое развитие, переход России к капитализму.

Указанным этапам соответствует определенный тип развития, где главенствующая роль принадлежит либо архаике, либо традиции, либо инновации.

Древний период VIII-XIV вв. определяется русскими историками как эпоха родового (С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин) или общинного быта (К.С. Аксаков). Архаика и несформированные традиции характеризуют эту эпоху. Родовой быт уступает место семье. На основе последнего формировался государственный быт.

Средний период XV-XVIII вв. берёт свое начало, на наш взгляд, с правления Ивана III и заканчивается деятельностью Екатерины II.

Не вызывает сомнения, что Петр I – кульминация этого периода. Русская традиция, а не архаика определяют срединный этап российской истории, охватывающий деятелей русской истории от Ивана III до Алексея Михайловича и Петра I. Значимость традиции для этого периода не оспаривают даже те, кто подчеркивают его инновационный характер.

Ни С.М. Соловьев, ни Н.И. Костомаров не отождествляют достижения Ивана III только с его личными заслугами. Сравнивая реформы Петра I и Ивана III, Н.М. Карамзин отдает предпочтение Ивану III, чьи действия, по мнению историка, отличаются ненастоящим характером.

К числу достижений Ивана III относят объединение Руси в Великое княжество Московское. Благодаря браку с Софьей Палеолог начинают развиваться отношения с Западом. Освобождение Руси от монгольского ига, формирование правил судопроизводства, ставшее возможным благодаря подготовке Судебника 1497г., укрепляют власть Ивана III, порождая основания для становления в стране царской власти. Как писал Н.М. Карамзин, «отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической» [8, 457]. Трактовка истории как *истории государства Российского*, положенная Н.М. Карамзиным, охватывает время от правления Алексея Михайловича до Екатерины II.

Проводимые Иваном Грозным внутренние реформы 1550-1564 гг., в том числе реформа местного самоуправления и финансового управления, формирование выборных должностей в судах, были направлены на смену сословия, составлявшего опору царю. «Опричина получила значение политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства», – отмечал Ключевский [10, 357]. Стеснявшему Ивана Грозного правительственному классу – *боярству* – царь искал замену в опричнине, в которой видел прообраз будущего *дворянства*, пытаясь найти альтернативу в идее служилых людей.

Не менее значимой фигурой на политической арене становится и царь Алексей Михайлович. Князь Яков Долгорукий говорил Петру Первому, что отец его Алексей Михайлович в ряде вопро-

сов сделал больше, чем сам Петр [13, 428-429]. Алексеем Михайловичем было создано Соборное уложение, в формировании которого принимали участие выборные люди из 130 городов. Это Соборное уложение, по словам С.Ф. Платонова, было «победой средних классов на соборе 1648 года» [13, 434]. Алексей Михайлович произвел серьёзные общественные преобразования, сочетая стремление к заимствованию образцов с Запада, например, в образовании, с сохранением самобытности. Это не избавило его правление от столкновения национально-консервативных охранительных сил с прозападными, ещё не сформировавшимися в устойчивые группы. И позже не вполне ещё оформившиеся западники считали, «что если бы в период культурного брожения в Московском государстве середины XVII в. московское общество имело такого вождя, каким был Петр Великий, то культурная реформа могла бы совершиться раньше, чем это произошло на самом деле. Но таким вождем царь Алексей быть не мог» [13, 487-488]. Ни по характеру своему, — считает Платонов, — ни по времени своему, — полагают многие другие.

Рассмотренные нами выше изменения, несомненно, играли существенную роль в становлении и развитии «государства Российского». Тем не менее, попытка построить периодизацию русской истории, основанную на критерии модернизации, не увенчается успехом без обращения к реформам *Петра Великого*. Как сторонниками, так и противниками реформ, Петр I воспринимается как реформатор, создавший *новую современную* Россию отличную от *древней (архаической)* или *серединой (традиционной)*, особенно от России царства Ивана III — образца исконных русских традиций, как его определяли славянофилы XIX в. Слом коммунизма поставил точку в определенности трактовки «подлинно русских традиций», которая была полностью утрачена в псевдославянофильских исканиях конца XX в. Никакая историческая эпоха не была представлена как её носитель. Императорский период XX в., на который иногда намекали современные славянофилы как на состояние наиболее близкое исконно русскому, был на деле периодом капитализма, войн, революций, глубинных трансформаций и модернизаций, а следовательно, никак не представлял национальную традицию в её устойчивых формах, близких к архетипу и архаике. Но, как отмечал Платонов, и прежде славянофильство «оставалось верно своей метафизической основе, а в позднейших представителях отошло от исторических разысканий» [13, 31].

Возвеличивание Петра Первого можно встретить у раннего Н.М. Карамзина и особенно у С.М. Соловьева. Н.М. Карамзин, осознав позднее высокую цену преобразований, указывает на такие их недостатки как слишком высокую скорость и непродуманность. С.М. Соловьев отмечает сопротивление общества реформам Петра. Реформы, по его мнению, не проросли всю толщу общества, ибо нравы народа указами не изменишь. Указанные авторы не пришли к общему взгляду по вопросу о том, с именем ли Петра связано возникновение российской *современности*. Ключевский считал, что проводимые реформы должны отвечать главному признаку – *значимости для общества в целом, для населения страны*. Ключевский достаточно критически оценивает деятельность Петра: «...как Петр стал преобразователем?.. Петр Великий и его реформы – наше привычное стереотипное выражение. Звание преобразователя стало его прозвищем, исторической характеристикой. Мы склонны думать, что Петр I и родился с мыслью о реформе, считал её своим providенциальным призванием, своим историческим назначением.

Между тем у самого Петра долго не заметно такого взгляда на себя. Его не воспитали в мысли, что ему предстоит править государством, никуда не годным, подлежащим полному преобразованию... Он вырос с мыслью, что он царь, и притом гонимый, и что ему не видеть власти, даже не жить, пока у власти его сестра со своими Милославскими... всё, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой... Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности» [10, 880]. Отдельные мероприятия Петра не сложились в ясную модель развития и не устранили, а усугубили то, что Ю.А. Пивоваров и А.И. Фурсов назвали «русской системой» – системой «власть – народ» без посредствующих их отношений общественных звеньев.

С.Ф. Платонов высказывает схожее мнение: «Так рядом с борьбой семейной, политической и церковной в конце XVII в. разрешился вопрос о форме воздействия на Москву западноевропейской культуры. Разрешили его те влияния, под которыми Петр находился в годы отрочества и юности» [13, 552], т.е. военное искусство, интерес к кораблям, к мастерству, к технике. При всей чрезвычайной инновативности, Петр унаследовал и укрепил властную систему абсолютистского государства, решая задачу защитить Россию от

возможной колонизации со стороны Запада, неожиданно ставшего чрезвычайно сильным в ходе собственной модернизации. На противоречивость результатов петровских преобразований указывает и С. Хантингтон: «В стремлении сделать свою страну современной и западной, однако, Петр также усилил азиатские черты России, доведя до совершенства деспотизм и искоренив любые потенциальные источники политического и общественного плюрализма» [19, 212].

Вызов со стороны Запада (со стороны Польши и Швеции) Россия испытала в XVII в.: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие Шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили свое значение в результате контрудара, искусно нанесенного западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию» [15, 147-148]. Тойнби тем самым показывает, какие реальные военные угрозы пытался предотвратить Петр, обратившись на Запад за новыми вооружениями и техникой. Появление Запада как более развитого в результате модернизации образования оказало на мир огромное влияние. Трансформация истории во всемирную — следствие этого роста.

Новый период наступает в XIX в. Александр I после войны с Наполеоном и заключения союза с ним вывел Россию на уровень европейских стран с международными обязательствами. Отечественная война 1812 г. вновь столкнула Александра I с Наполеоном, включила его в коалицию западных держав, борющуюся с ним. Русские увидели Париж. В повседневную жизнь проникло западничество в виде разговорного французского языка аристократии; темой светских бесед дворян становятся Франция и её идеи, а сам класс дворян ранее военно-служилого слоя общества приобретает черты праздного класса.

По словам В.О. Ключевского, «положение этого класса в обществе покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем; с рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к французу-гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных... С книжкой Воль-

тера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, – всё было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела, ибо... ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьезной работы... чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза» [10, 1099].

Н.М. Карамзин запиской «О древней и новой России» остудил пыл Александра I к быстрым реформам, идейным вдохновителем которых был М.М. Сперанский. Механическое принятие Россией нового опыта, против которого предупреждал Карамзин, подрывало дворянство и самодержавие, Россию в целом. Александр I отменил реформы и впоследствии, в конце своего правления, стал сторонником консервативных взглядов при нарастающей опасности развития революционного движения.

Николай I убедился в том, что революционные настроения вызваны самой основой российского правления, направлены против крепостного устоя, а не против отдельных фигур государственного аппарата. Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. продемонстрировало ему, что наделение сословия льготами не остановило его в своих требованиях, а наоборот послужило мотивом к дальнейшей борьбе, но уже за политические права.

Достижение равноправного положения сословий и их участия в жизни общества определяли цели развития России в XIX в. Модернизационный сдвиг произошел с расцветом буржуазии, которой уступил своё преимущество класс дворянства после выступления декабристов.

Александр II решился на общественные трансформации, необходимость проведения которых назрела ещё при Александра I и Николая I. Так Александр II вошел в историю России как правитель, решивший вопрос освобождения крестьян, консолидации деятельности разрозненных сословий, в том числе за счёт развития института земского самоуправления. Отмечая выдающиеся заслуги императора, Ключевский указывает и на третью задачу, которая была им разрешена: «...напитавшийся чужими идеями и нравственными побуждениями с XVIII века, русский ум оказался оторванным от

русской действительности. В XVIII веке этот ум смирялся с противоположностью идей и действительности.

В начале XIX столетия этот ум осознал, что надо привести к согласию идеи и реальности, но не нашел способов решить эту проблему. Ни славянофилы, ни западники не нашли подходов к решению вопроса о соотношении идей и действительности. Но со временем этих великих реформ (Александра II. — *В.Ф.*) русский ум становится в другое отношение к окружающей действительности, в то, в каком мы стоим теперь. *Русская жизнь стала передвигаться на основании, общем с теми началами, на которых держится жизнь западноевропейских обществ*» [10, 1179] (курсив наш. — *В.Ф.*). Но, предупреждает историк, при том надо действовать своим умом, прилагая западные идеи к другой реальности, а не навязывать ей заученные клише.

Ещё лучше сказал С. Платонов: «В условиях рождения этих всесословных учреждений 1860-х годов кроется начало нашей *современности* (курсив наш. — *В.Ф.*), то есть тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность, занятая мучительными поисками новых форм общежития, которые привели бы Россию к гражданской правде и социальному счастью» [13, 860]. С Александра II Запад становится для России образцом развития, идея приблизиться к нему — догоняющая модель модернизации, индустриализация, капитализм — целями, которые надо осуществить.

В XX в. Россия вступила с этими заветами, о чем свидетельствовала политика С.Ю. Витте, быстрый рост капитализма и индустриализации. Но поражение в русско-японской войне, неудачи Первой русской революции, ошибочное вступление в Первую мировую войну, новая неудача Второй буржуазной революции привели к революции социалистической как обходному пути индустриализации и догоняющей модернизации, снова с применением насилия, но со старыми целями поднять и защитить страну, с новой ориентацией на передовое на Западе, но с учётом собственных возможностей.

Индустриализм цивилизации модерна, как её назвал Ш. Айзенштадт, осуществился в двух формах — капиталистической и социалистической. Коммунизм дал вариант догоняющего развития: инновация, догоняющая модернизация, ориентирующая на переход к современности. Известный специалист по изучению цивилизаций Й. Арнасон определил советскую модель модерна как альтернативную, которая имела при этом связь с западной динамикой развития.

С. Хантингтон также отмечал подобную особенность советского периода: «Приняв западную идеологию и использовав её, чтобы бросить Западу вызов, русские в каком-то смысле получили более тесные и прочные связи с Западом, чем в любой иной период своей истории» [19, 216]. Советская современность при всех её недостатках решила ряд задач развития, но не пережила собственного кризиса.

Концепция «другой Европы»

В середине 1990-х гг. я написала книгу «Модернизация “другой” Европы» [16], посвящённую модернизации России и других незападных европейских стран. В ней я выдвинула *концепцию «другой Европы»* на основании *совмещения как модернизационных, так и цивилизационных перспектив*.

Рассмотрим концепцию модернизации «другой» Европы подробнее. Там, где развитие осуществлялось как модернизация (а это происходило в посткоммунистических странах и в ряде других государств), стадийный подход являлся ведущим инструментом для постановки задач модернизации и оценок её результатов. Он был сущностью модернизационных теорий. Цивилизационный подход первоначально мыслился как антитеза стадийному. Однако он предстает в двух видах: 1) когда цивилизация рассматривается как стадия развития; 2) когда понятие цивилизация лишено стадийного смысла и характеризует общество в его самобытности и социальной организации, сложившейся на основе культуры. При этом подходе цивилизация выступает как характеристика специфичности общества. Обсуждение проблем российского развития целесообразно обсуждать при совместном использовании стадийных и цивилизационных подходов.

Страны «другой» — западной — Европы после начала посткоммунистических трансформаций объединял ряд признаков. Среди них можно отметить в большинстве случаев более молодой возраст государств; более бедные, чем у Западной Европы, традиции и источники развития, по существу, развитие на новой основе; послемперский характер многих государств; продолжение процесса национального становления в них; пережитый авторитаризм, тоталитаризм или этатизм; в разной мере, но всё же существующий раскол на прозападные элиты и народ; остатки традиционности; большая роль религиозных или мировоззренческих идей; преобладание мобилизационных усилий в ходе модернизации над инновационными, малый внутренний рынок и др. особенности. Все это характе-

ризует этот регион не только со стадиальной, но и с цивилизационной позиции.

Другая Европа – это и определенный тип цивилизации. Выделение типов цивилизаций, так же как типов культуры, не может быть ни единственным, ни единственно верным. Оно зависит от оснований. Карта цивилизаций многовариантна и пестра. Если за основу взят технико-экономический уровень, то человечество предстает разделенным на миры: от развитых экономик до развивающихся стран.

Просматриваемая, на первый взгляд, общность подходов типизации цивилизаций в интерпретациях Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона и др. не позволяет сказать то же самое про результат. Каждая из представленных типологий отражает, прежде всего, индивидуальные взгляды, отличается целью и временем проведения исследования. Различия в типологиях обусловлены подвижностью границ цивилизаций, меняющейся способностью к развитию на собственной основе.

Мы предлагаем ещё одну типологию цивилизаций на основе областей однотипного развития. Под типом развития понимается его интегральная характеристика, которая включает: 1) источник (внутренний и внешний); 2) органичность (первичное, под влиянием собственных потребностей, вторичное, связанное с преобладанием внешних вызовов, ответ на них); 3) механизм (инновация, мобилизация усилий); 4) характер развития (самостоятельный, догоняющий Запад, догоняющий только его технико-экономический уровень, недогоняющий); 5) темпы (очень быстрые, быстрые, медленные, очень медленные); 6) духовные, культурные предпосылки; 7) образ будущего, к которому направлено развитие. Применяя эти критерии, можно выделить западную цивилизацию, состоящую из двух подвидов: американской и западноевропейской. Источники их развития внутренние, органические.

Модернизация в Западной Европе – результат её органического перехода к развитию современного типа, который хотя и сложился в Америке на основе опыта Европы, но не путем его копирования. Механизмы развития здесь инновационные. Появление нового институционализировано, приветствуется в культуре. Темп развития быстрый. Характер развития самостоятельный. Духовные основы развития – собственный исторический продукт. Образ будущего не планируется заранее как цель. Он вырисовывается по мере приближения к нему. На основе уже имеющихся тенденций оценивается

как переход в постсовременность, включающую ранее отброшенные традиции, так и существенные сдвиги в технологии перехода к постиндустриальному, информационному обществу. Тип развития органически инновационный.

Другая Европа – цивилизации второго эшелона развития. Источник их развития – преимущественно в вызове Запада. Их модернизации – это ответ на него. Их развитию не хватает органичности. Эти общества расколоты на прозападные элиты – проводники западного образа жизни, и народ, желающий сохранить традиционный или имеющийся на сегодняшний день способ жизни. Собственные потребности развития в этих цивилизациях складываются в результате сравнения себя с Северной Америкой и Западной Европой.

Механизм развития – мобилизационный (однопартийная система Мексики, этатистский режим в Турции, идеология модернизации в Восточной Европе, реформаторская элита в России и др.). Мобилизация может быть как позитивной – идеология, порождающая энтузиазм, сверхусилия населения, перенапряжение сил, пафос развития, так и негативной, как это случилось в посткоммунистических странах. После многих лет государственной опеки люди оказались предоставленными сами себе, искали всевозможные источники существования, будучи негативно мобилизованными. Образ будущего задан заранее, как и в предшествующих модернизациях. Ложный – стать Западом, истинный – в двух альтернативных вариантах: 1) нахождение источников развития при сохранении идентичности; 2) использование внутренних и внешних источников, медленная смена идентичности. Такой тип развития может быть назван неорганически-мобилизационным.

В свете этой классификации «другая» Европа предстаёт *не только как стадия развития, но и как цивилизационное образование*. Собственная идентичность, способная к медленной эволюции, сохраняя свою специфику, выступает особенностью цивилизации. Специфика другой Европы подчеркивается свойственным ей типом развития. Он берет начало из ментальности, духовности, культуры, – всего того, что накоплено историей, коллективной памятью и социальными практиками.

Конец XX в., давший России демодернизацию под флагом модернизации в 1990-е гг., повторил неудачи двух прежних буржуазных революций. Силовая модернизация без учёта сложившихся культурных и институциональных смыслов и структур, никак не увеличивает шансы той или иной страны. Предшествующий опыт сило-

вых модернизаций показал *опасность* подобных рывков и последующих откатов назад, обнаружив пределы социального конструирования преобразований общества. Новая реальность без истории, традиции, территории и социокультурных связей существует только в голове революционно-романтически мыслящего теоретика. В действительности же невозможно очиститься от груза исторического наследия.

Цивилизационные и модернизационные подходы сегодня ещё более проросли друг в друга. Начав свою историю с противоположных позиций, в настоящее время они не представляются отдельными моделями теоретической рефлексии. Так, представления о цивилизации модерна Ш. Айзенштадта или о траекториях современности П. Вагнера учитывают совместную работу этих подходов.

Концепция «другой Европы» была разработана мною в 1990-е гг., в частности, в ответ на попытку в очередной раз насильственным образом и быстро изменить траекторию развития страны неолиберальными реформами, не учитывающими социокультурный контекст российского общества.

Начиная с конца 1990-х гг., я уделила большее внимание эволюции капитализма и его динамике. В монографии «Глобальный капитализм: три великие трансформации» мной была предложена концепция *трёх типов современности*, методология которой позволяет обсуждать *пути развития глобальной цивилизации сегодня.*

Глобализация как новый мегатренд, уводящий модернизацию на региональный уровень, потеря Западом статуса образца развития, многообразие моделей модернизации незападных стран, решающих собственные задачи на определённом уровне вестернизации, позволяют ввести новое понятие — *национальные модели модернизации.* Россия, Китай и другие незападные страны движутся сегодня в этом русле. Наступило *новое Новое время для незападных стран* [17, 536-566].

Можно ли построить капитализм, сделав русского американцем или западноевропейцем? Нет. Можно ли это сделать, оставляя его русским? «Нет», — считал М. Вебер, изучив русскую революцию 1905 года. «Да» — полагает национальная модель модернизации. Например, при применении капитализма как экономической машины с *сохранением культурных особенностей* страны.

Сегодня в условиях противостояния России и западных стран и политики санкций построение российской национальной модели модернизации приобретает особое значение. В её разработке полезно учитывать представление о промежуточных институтах.

Промежуточные институты

Разработанная нами концепция национальных моделей модернизации учитывает как неизбежность развития в условиях глобализации, так и его обусловленность социокультурным контекстом. Несмотря на замедление процессов глобализации последних нескольких лет, и даже её сворачивание в ряде аспектов, в глобальный капитализм вовлекается всё большее число стран.

Цивилизационный и модернизационный анализ соединяется сегодня ещё и с помощью концепции «промежуточных институтов». Обратимся с начала к её предыстории.

Последние тридцать лет изучение роли культурных и институциональных структур в процессах развития стран привлекает экономистов неонституционального толка. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, авторы бестселлера «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [1], показали, что существуют два вида институтов – экстрактивные и инклюзивные.

Под экономическими институтами они понимают «правила игры», по которым работает экономика. Инклюзивные экономические институты являются примером идеальных структур – они не только разрешают, но и стимулируют участие людей в экономической деятельности, способствуя экономическому росту и высокой производительности труда. В состав подобного института должны быть включены защищённые права частной собственности, правовая система, свободный вход на рынок для новых компаний и пр. Инклюзивные институты требуют доступа максимально широких слоёв населения к экономической активности, а не только представителей элит. Для реализации подобного доступа нужны усилия государства по установлению порядка, регулированию экономики (предотвращению экономических преступлений и злоупотреблений) и поддержке правовой системы. Поэтому в противоположность неолиберальной позиции инклюзивные экономические институты не противостоят государству, сосуществуют с ним.

Экстрактивные экономические институты выступают противоположностью инклюзивных. Они ориентированы на извлечение максимального дохода путем эксплуатации общества и использования этого дохода для обогащения узкого круга элитных групп.

По аналогии с экономическими институтами, Аджемоглу и Робинсон выделяют инклюзивные и экстрактивные политические институты, которые также задают правила игры, только в политической сфере. Инклюзивные политические институты соединяют как

плюралистическую природу, так и централизованность, которая нужна для поддержания порядка и законности, а также регулирования экономической деятельности. Экстрактивные – аккумулируют власть в руках элитных групп, не ограничивая её.

Между экономическими и политическими институтами авторы прослеживают определённую связь, которая состоит в том, что политические институты создают среду для возникновения соответствующих им экономических институтов, экстрактивных или инклюзивных по своему характеру.

Перспективы экономического благополучия общества связываются Аджемоглу и Робинсоном в первую очередь с действием как политических, так и экономических институтов инклюзивного типа. Однако они отмечают, что бывают исключения, когда экстрактивные институты способствуют экономическому росту. Для этого нужно, например, чтобы элиты общества направили ресурсы на развитие высокопроизводительных отраслей экономики, как это сделал в своё время Советский Союз. Кроме того, элиты стран с экстрактивными политическими институтами могут считать своё положение настолько устойчивым и незыблемым, что направят усилия на формирование инклюзивных экономических институтов.

Таким образом, институциональные условия ответственны за достижение целей по повышению благополучия общества. В концепции институтов Аджемоглу и Робинсона имплицитно присутствуют не только структурные, но и культурные факторы, связанные с ценностями, установками и устойчивыми практиками и паттернами поведения людей разных стран.

Аджемоглу и Робинсон полагают, что, изменив политический режим на инклюзивный, построив демократические политические институты, страна сформирует инклюзивные, т.е. «хорошие» экономические институты. Известный российский экономист А. Аузан дискутировал с Аджемоглу по этому вопросу, отмечая неудачный опыт создания Россией инклюзивных экономических институтов 1990-х гг.

Сегодня А. Аузан является одним из немногих сторонников концепции промежуточных институтов, которые призваны обратить имеющиеся у страны слабости в силу при сохранении её культуры и исторической определенности. Аузан характеризует промежуточные институты как «лестницу между текущей культурой со всеми её ограничениями и экономическим будущим, которое мы хотели бы получить» [3].

Механизм построения промежуточных институтов, согласно Аузану, приобретает такую последовательность: 1) нужно обнаружить мешающие политические или культурные ограничения, препятствующие экономической реформе; 2) нужно выработать политику, которая устранил главное ограничение, то есть, создать институт, который мог бы работать при имеющихся ограничениях и продвигать изменения в нужную сторону.

По мнению Аузана, «идея в том, чтобы одни культурные элементы использовать как опорные точки, находить в них определенные возможности и энергетику. А другие пытаться сдвинуть – но не превращать ...японцев в англичан, а последовательно менять, с одной стороны, правила, с другой – ценности и поведенческие установки» [3]. 3) Необходима зачастую многолетняя стратегия повторения вышеуказанных шагов до формирования нового института.

Подобный подход инструментален. Он позволяет *достигать экономических успехов, не отказываясь от собственной идентичности*. Обратимся к метафоре Б. Латура [30, 42-43]. Он предложил «оторвать» конструктивизм от деконструкции, то есть, от радикального слома существующей структуры до основания. Для определения, скажем так, собственной методологической идентичности каждый должен ответить для себя на вопрос: «Когда вы слышите, что что-то дорогое Вам, является “конструкцией”, ваша первая реакция: 1. взять пистолет, 2. схватить молоток, 3. возвести строительные леса» [30, 46]. Выбор первого ответа означает, что вы фундаменталист, готовый уничтожить тех, кто призывает к разрушению. Второй ответ свидетельствует о том, что вы деконструктивист, который требует превратить имеющуюся конструкцию в руины, чтобы выстроить лучший и более прочный её вариант. Третий ответ, согласно Б. Латуру, укажет на то, что вы конструктивист или композиционист, занятый одновременно как поддержанием стабильности, так и возвращением хрупких структур.

Промежуточные институты являются примером последнего ответа в метафоре Латура, т.е. применения мягкой версии конструктивистского подхода при попытке провести те изменения, которых требует третья современность (новое Новое время для незападных стран).

Коллективная идентичность и культура

Американский исследователь Э. Шилз ввёл понятие типов связей между людьми, обозначив их как коды. Связывая людей между

собой, эти коды становятся механизмами, способными удержать людей вместе, поддержать солидарность в стремительно и постоянно индивидуализирующемся обществе модерна XX в. Он выделил четыре таких кода, а именно: примордиальный, персональный, гражданский и сакральный [31, 130-145].

Ш. Айзенштадт расширил методологические рамки применения кодов Шилза, предложив называть их кодами коллективной идентичности. Согласно Айзенштадту, «конструирование коллективной идентичности формируется... чёткими кодами, укоренёнными в онтологических и космологических предпосылках и концепциях социального порядка, которые существуют во всех обществах» [28, 79]. Он посчитал наиболее эвристичным остановиться на работе трёх кодов, отбросив код персональности. Модель идентичности с использованием трёх кодов базируется на определении различий между коллективами («свой – чужие»), выявлении признаков членства в социальной группе («кто мы?») и сходства между участниками группы («что общего между нами?»)

Представленная модель показывает наличие определенной линии поведения, поддерживаемой членами каких-либо групп или стран. Коды устанавливают рамки солидарности и способы поведения. Эти коды, по мнению Ш. Айзенштадта, выступают идеальнотипическими моделями [27, 72-102].

Коды формируют и легитимизируют границы внутреннего и внешнего, своего и чужого. Примордиальный код включает в себя родство, территорию, язык и другие характеристики. Несмотря на то, что границы воспринимаются как исходно данные, Айзенштадт указывает, что они также являются результатом социального конструирования. Он подчеркивает, что, если это характерно даже примордиальным свойствам, то тем более верно и для остальных. Коллективная идентичность, равно как и другие черты общества и поведения людей, не является исходно данной, а социально конструируется.

Код гражданского сознания (гражданский код) формируется благодаря воспроизводству явных и скрытых норм поведения, традиций, институциональных правил, *рутинных действий*, а также *способов рефлексивной критики*, которые конституируют пределы общности.

Ш. Айзенштадт и Б. Гизен в упомянутой совместной статье, предлагающей концептуальную схему анализа кодов культуры и коллективной идентичности, назвали третий код «культурным», обо-

сновав тем, что примордиальный и гражданский коды тоже относятся к культуре, но в широком смысле слова. Однако признаком культурного кода является то, что обладает универсалистским характером, который не выражен в содержании и действии примордиального и гражданского кодов. Впоследствии для подчёркивания этого в других произведениях указанные исследователи стали называть культурный код *сакральным или трансцендентным*, поскольку он «преодолевают проблему хрупкости и гибкости социальных границ, связывая коллективность с неизменной и вечной областью сакрального и возвышенного, определяемого как бог, как разум, как прогресс или как рациональность» [27, 82].

Методология кодов коллективной идентичности позволяет обсуждать цивилизационную и модернизационную специфику стран. Собственно, охарактеризовать ту или иную социокультурную общность можно с точки зрения содержания и динамики её примордиальных, гражданских и культурных (трансцендентальных) представлений. При этом последние два кода – гражданский и культурный – наиболее значимы.

Обратимся к рассмотрению некоторых аспектов российского культурного и гражданского кодов, которые воплощены, в частности, в прецедентных феноменах культуры. Культурный прецедент есть достигнутый в прошлом культурный образец, имеющий ценность в данной культуре. Он характеризует и авторство некоторых феноменов культуры, известных в мире, закрепленных за страной или определенной локальной, национальной культурой.

К прецедентным феноменам российской культуры можно отнести творения православной живописи и музыки, древние тексты берестяных грамот, произведения русской классической литературы, переведённые на национальные языки в большинстве стран мира, балет, систему фундаментального образования, памятники религиозной архитектуры, театр Станиславского, культуру Серебряного века. Российские художественные и научные результаты стали символами достижений, известными во многих странах мира именно как имеющие российское авторство, как представляющие Россию. Персонально – А.С. Пушкин известен как русский гений, впитавший в себя европейскую образованность и знание других культур, Ф.М. Достоевский – как автор, понятный Западу, Л.Н. Толстой как особенный русский, А.П. Чехов как русский европеец. Русский модерн, русский авангард. Выход в Космос. Победы в войнах. Валенки, водка, икра, квас и пр., известные среди простых людей других стран.

Дж. Биллингтон, известный американский специалист по истории России, показал, что «Полное усвоение и прославление разнообразных творений русской культуры, созданных во втором тысячелетии, за время существования писаной истории России, позволило бы так обогатить и расширить диапазон «русскости», что она стала бы крепким фундаментом...» страны [5, 17].

Метафорически Биллингтон отображает в названии своей книги «Икона и топор» характер России. В заголовке заключены два феномена культуры, которые олицетворяют, по его словам, «сопряженность борьбы за материальное начало и торжество духа». Биллингтон поясняет: «Топор был главным и незаменимым орудием в Великой Руси: с его помощью человек подчинял себе лес. Икона, или священный образ, являлась вездесущим напоминанием о вере, которая хранила жителя беспокойных окраин и указывала высшую цель его земного существования» [5, 56].

Британские специалисты С. Франклин и Э. Уиддис, характеризуя длительную историю России с XI века до начала XXI, показали, что российская культура содержит не один, а несколько различных нарративов о стране. В связи с этой неоднозначностью и даже множественностью смыслов «Россия постоянно представляется в качестве вопроса, поля возможностей, набора противоречий» [29, 4]. Они полагают, что именно напряжение и динамика конкурирующих между собой моделей и структур идентичности являются частью российского процесса осмысления самих себя и своей истории: «В некотором отношении российская национальная идентичность состоит не в попытке дать ответ на вопрос, что такое Россия, а в характере дискуссий и споров по этому поводу» [29, 4]. Важной особенностью российского самоопределения представляется рефлексия по поводу иного опыта и культуры. «В некотором смысле российские дискурсы идентичности формировались в подразумеваемом диалоге с теми, кто находится за пределами России», — пишут указанные авторы [29, 6]. В связи с этим российская культура отмечена «обсуждением влияния на неё, отношений с “другим”, как реальным, так и воображаемым» [29, 6].

Франклин и Уиддис посвятили одну главу книги о России Пушкину, в которой он предстает как идея и символ российской идентичности. «На примере Пушкина, — отмечают они, — мы видим, как дискурс идентичности формирует своё содержание и изменяет его, превращая реальность поэта и его творчества в резервуар, обращение к которому позволяет составить изменчивые образы русско-

сти» [29, 8]. При этом обозначенные авторы обратили внимание на недооценённость Пушкина остальным миром.

Ф.М. Достоевский в речи, посвященной Пушкину, дал его гению такую оценку: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом» [7, 136].

Достоевский отмечает как то, что Пушкин является ответом на реформы Петра, так и то, что он является глубоко народным, выразившим черты русского народа писателем: «В Пушкине ...есть именно что-то сроднившееся с русским народом взаправду...» [7, 144].

В.В. Розанов в статье о Пушкине тоже говорит, что до него было больше «русизма» в славянофилах, но они «не сумели сделать свою доктрину центральным национальным явлением, Пушкин не только сам возвысился до национальности, но и всю русскую литературу вернул национальности, потому что он начал с молитвы Европе...». И далее Розанов поясняет: «“Преходящими вещами” и остались для Пушкина все чужеродные идеалы. Они не отвергнуты, не опрокинуты. Нет, они все стоят на месте, и через поэзию Пушкина исторгают у нас слезы... Но дело в том, что сам Пушкин не сложил своих костей на чужом кладбище, но, помолившись, вернулся на родину цел и невредим» [14].

Д.С. Мережковский говорил уже в XX в.: «Что он для нас? Великий писатель? Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа. И ещё больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. И сколько бы ни уверяли, что её уже нет, потому, что самое имя России стерто с лица земли, нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет» [12]. «Пушкин ...это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» — писал Гоголь [6].

Проблема самобытности писателя часто вытекает из понимания самобытности страны, к которой он принадлежал. Последняя же сопряжена с оценкой, нередко с борьбой оценок вокруг тех или иных особенных свойств нации. Кроме того, за самобытные черты часто принимают стадийные особенности, общие многим наро-

дам определённого уровня развития и не являющиеся сугубо русскими или в целом славянскими, латиноамериканскими и пр. Знаменитый кубинский писатель Алахо Карпентьер, например, характеризует самосознание и сущность Латинской Америки словами, которые вполне бы могли быть отнесены и к российской специфичности в XX в.: «Латиноамериканцам моего поколения выпала особая судьба, и только одной этой особенностью достаточно, чтобы отличаться от европейцев... В то время как европеец рождался, рос и вырос в окружении древних камней, старинных зданий... Латиноамериканец, родившийся на заре века чудесных открытий, перемен, революций, начинал смотреть на мир в одном из городов, все ещё полностью сохранявших облик XVII-XVIII столетия, с их очень медленным ростом населения; и вдруг эти города начали расти, шириться, вытягиваться в длину, подниматься вверх...» [9, 23]. Родившийся в конце предшествующего века гражданин России мог бы сказать о себе то же самое.

В приведенном отрывке представлены общие приметы стран, находящихся на сходном уровне развития. Однако если поставить вопрос о том, что же отличает Россию, и тем более русских, на общем фоне незападного типа развития, то ответ на него должен преодолеть опасность принятия стадияльных черт за национальные. Как писал Н.А. Бердяев, «отсталость России не есть своеобразие России. Свообразие более всего должно быть обнаружено на высших, а не на низших стадиях развития» [4, 133].

Проблема самобытности и национальных особенностей перестаёт быть академической на крутых переломах истории, когда проваливаются воплощения идеальных образов, обнаруживая значимость почвы. Русским приписывают мироотреченчество, стремление к справедливости, фатализм, вселенскость, совестливость (Бог в человеке, соединяющий сущее и должное), победное чувство вместо достижительности (Л. Липовая), ценностно-рациональную, а не целерациональную ориентацию, метафизическую лень Обломова и пр.

Частью кода российской коллективной идентичности выступает отсутствие срединной культуры. С.А. Аскольдов говорит, что в каждом народе есть начала святого, человеческого, и звериного, но в русском народе эти полюса особо заострены [2, 225]. «Недостаток срединной области культуры», – формулирует тот же принцип Н.О. Лосский [10, 296-303], отмечая при этом такие положительные свойства, как доброту и религиозность русского народа, его способность к высшим формам опыта, в частности, к общению, к исканию смысла

жизни. А.П. Чехов солидарен с высказанными выше мнениями: «Между “есть бог” и “нет бога” лежит целое громадное поле... Русский же человек знает какую-нибудь одну из этих крайностей, середина же между ними ему не интересна, и она обыкновенно не значит ничего или очень мало» [20, 49].

Русская классическая литература, как показал Н.А. Бердяев, была духовным ответом на реформы Петра и, заметим, ещё большим ответом на реформы Александра II. Она выполняла, в том числе, функцию ухода от крайностей. *Крайности и полярность российского характера представляют собой как код коллективной идентичности, так и слабость, препятствующую национальной модели модернизации.*

Проблемы доверия

Одним из главных ресурсов общества и отдельных людей сегодня считается доверие. Недостаток доверия оценивается исследователями как налог на общество, социальные отношения и взаимодействия, снижающий эффективность их функционирования.

Одним из первых социальных теоретиков проблему доверия разрабатывал Ф. Фукуяма в середине 1990-х гг., обнаружив в нём базовую характеристику культуры, вносящую вклад в экономическое благополучие страны. Доверие, по его мнению, является продуктом длительного существования сообществ, объединенных моральными нормами, ценностями, религиозными и другими этическими представлениями, которые он называет «“досовременными” культурными навыками общества» [18, 29]. Он пишет, что общества «зависят от взаимного доверия и не возникают естественным образом, если оно отсутствует» [18, 50]. Страны характеризуются различным уровнем доверия.

Экономические институты, подкреплённые социальным капиталом и доверием, позволяют экономике и обществу, как это формулирует Фукуяма, экономить на операционных издержках. «Закон, договор, экономическая целесообразность являются необходимым, но отнюдь не достаточным базисом стабильности и благосостояния в постиндустриальный век — они должны опираться на такие вещи, как взаимодействие, моральные обязательства, ответственность перед обществом и доверие, которые, в свою очередь, живут традицией, а не рациональным расчётом.

В современном обществе все эти вещи не становятся анахронизмами, наоборот, они суть его успешного развития» [18, 29]. Более того, «...наиболее успешные формы, в которые отливается совре-

менность, не вполне современны (курсив наш. — В.Ф.), то есть они не основаны только на всеобщем распространении либеральных экономических и политических принципов в обществе», делает вывод Фукуяма [18, 571]. Фактически, подобный подход символизирует поворот к признанию значимой роли внеэкономического в социальной и экономической жизни. А, тем самым, способствует *сopряженности цивилизационных и модернизационных трактовок*.

Интерес к этой проблематике был продолжен другими исследователями, в т.ч. польским социологом П. Штомпкой, обобщившим в своей знаменитой монографии о доверии ряд причин, выдвинувших проблемы доверия на передний план.

Перечислим некоторые из них:

— «Мы перешли от обществ, опирающихся на судьбу, к обществам, опирающимся на человеческую субъективность» [22, 55], пишет Штомпка. Мир становится всё больше зависим от целенаправленных действий людей, поэтому планирование будущего оказывается невозможным без доверия к различным социальным и техническим системам.

— «Наша деятельность неожиданно обратилась против нас самих» [22, 57], отмечает Штомпка. Технологические новации стали источниками не только новых благ, но и новых опасностей и угроз (риски экологических загрязнений, катастроф техногенного характера, появления новых видов заболеваний и пр.). Доверие становится способом преодоления явлений общества риска.

— Технические и институционально-организационные системы осуществляют деятельность в глобальном масштабе, становясь при этом сложными и непрозрачными даже для специалистов. Вместе с тем, для реализации наших потребностей и интересов требуется доверие в отношении сложных систем.

— Рост взаимозависимости разных компонентов жизни людей. Разделение труда и дифференциация ролей, общественных сфер, стилей жизни и идентичностей внутри обществ, а также рост глобальных экономических, финансовых, политических и культурных взаимосвязей требует полагаться на других (люди, институты и пр.), верить в то, что они выполняют свои обязательства.

— Широкий диапазон возможностей и вариантов действия членов социума в самых различных сферах жизни (потребление, здоровье и пр.) приводит к непредсказуемости будущих действий. Выбор действия можно осуществить только на основе доверия [22, 55-58].

Не являясь исчерпывающим, представленный перечень определяет некоторые параметры современного общества. Доверие в нём становится стратегией, способной, по словам Штомпки, справиться с неуверенностью и невозможностью контролировать будущее. В противоположность этому, отмечает он, нарушение ожиданий доверия, действия, идущие вразрез нашим ожиданиям и интересам, вызывают недоверие [22, 80,83]. Социальные отношения и взаимодействия, многократно окрашенные недоверием, провоцируют кризис доверия, при котором доминирующим становится конструирование мотива недоверия.

Британские исследователи [23] показали, что доверие населения к властным институтам определяется двумя параметрами. Первый параметр доверия – когнитивный, в основе которого рациональные и инструментальные оценки. Аффект, эмпатия – признаки второго параметра. Ситуацией, способствующей возникновению доверия, выступает сочетание в социальных транзакциях компетентностного (позитивная уверенность в знаниях и компетенциях у доверяющей стороны) и интенционального доверия (наличие желания выполнить обязательства с максимальным учетом интересов доверяющей стороны). В отношениях с властными институтами доверие строится на взаимности. Оно необходимо для легитимизации и проведения принятых решений [23]. *Взаимность доверия необходима для реализации задач как цивилизационной, так и модернизационной направленности.*

Однако, начиная с последних десятилетий XX в. наблюдается тенденция снижения доверия к основным социальным институтам – правительствам, здравоохранению и др. Социальный философ Н. Штер отмечает, что в результате кризиса доверия политика, реализуемая властями, сталкивается с сопротивлением: «Утрата последними власти проявилась в первую очередь в форме не-решения, что означает не что иное, как то, что крупные институты все чаще оказывались не в состоянии провести свою волю в жизнь» [21, 390].

Эмпирические исследования уровня доверия и его свойств проводятся с последней декады XX в. Так, американская консалтинговая компания Edelman с начала 2000-х гг. ежегодно измеряет глобальное состояние доверия и публикует доклад под названием «Барометр доверия». Важными компонентами оценки доверия выступают компетентность и этичность поведения.

Остановимся на некоторых итогах этих докладов за последние три года. Представленный в 2020 г. доклад [24] свидетельствовал о

связи проблемы доверия и неравенства доходов. Авторы доклада, основываясь на мнениях людей о несправедливом распределении благополучия, приходят к выводу о том, что в развитых экономиках доверие отделено от экономического роста. В итоге, такие институты, как правительство, неправительственные организации, медиа и бизнес сталкиваются с падением доверия к ним.

В 2021 г. компания Edelman представила доклад о влиянии пандемии коронавируса на уровень доверия. Повсеместно зафиксировано разрушение доверия в первую очередь к правительственным структурам. Однако кризис доверия коснулся не только правительств: люди не доверяли ни высокопоставленным чиновникам, ни главам бизнеса, ни журналистам – никому из «социетальных лидеров». Большой проблемой стало отсутствие источников достоверной информации. Инфодемия (эпидемия слухов, дезинформации, непроверенной информации и пр.) активно подпитывала недоверие социума [25].

В постпандемийном 2022 г. результаты глобального исследования состояния доверия также не выглядят обнадеживающими [26]. Основной вывод, к которому пришла компания Edelman по итогам текущего года, состоит в том, что недоверие в мире становится, как они это назвали, «эмоцией, заданной по умолчанию». Так, около шести из десяти опрошенных респондентов исходно занимают позицию недоверия, которая может впоследствии трансформироваться в доверие, только если в пользу этого выступят убедительные доказательства. Более половины говорят о том, при таком уровне доверия невозможно вести конструктивные гражданские дебаты по тем вопросам, где нет единого мнения. Превращение недоверия в базовую характеристику приводит, по мнению опрошенных, к отсутствию в обществе среды для дискуссий и сотрудничества.

Низкое институциональное доверие становится, таким образом, новой нормальностью. По данным исследования наименьшее доверие в мире в целом вызывают политические лидеры и журналисты (с рейтингом доверия 42% и 46% соответственно). В наибольшей степени «подпитывают цикл недоверия», по мнению участников опроса, правительства и медиа, выступая при этом не интегрирующими, а разделяющими общество силами. Доверие правительственным структурам составляет 52%, а медиа – 50%. Причем, нет доверия как традиционным медиа, так и социальным сетям и поисковикам. Около двух третей опрошенных высказывают озабоченность дезинформацией и фейк-ньюс, используемых как оружие. Следствием

падения доверия к социальным институтам также становится рост «социетальных страхов», в частности, 85% ответивших опасаются потерять работу.

Лидером по уровню доверия – 61% – оказались бизнес структуры. Респонденты, вместе с тем отметили, что бизнес делает недостаточно в плане уменьшения экономического неравенства, по вопросам изменения климата, переобучения сотрудников и предоставления достоверной информации. В связи с этим авторы доклада приходят к выводу о том, что именно бизнесу надо взять на себя не только большую ответственность за решение ряда социетальных проблем, но и что в целом «социетальное лидерство становится ключевой функцией бизнеса» [26].

На наш взгляд, авторы доклада несколько преувеличивают роль аффективной стороны доверия, говоря о доверии как об эмоции. Скорее, речь идет именно о совместном действии, имеющем под собой как ценностно-рациональную основу представлений о доверии, так и позитивно или негативно окрашенное чувство, сопровождающее успех или неудачу реализации доверительных ожиданий.

Кризис доверия провоцируется реальным или воспринимаемым пренебрежением обязательствами, высокой оценкой меры риска акта доверия, злоупотреблением доверием. *Культура недоверия становится питательной средой для эрозии культурных и гражданских кодов коллективной идентичности, препятствуя как цивилизационным, так и модернизационным перспективам.* Недоверие является продуктом социального конструирования, равно как и доверие. Поэтому нужна *политика доверия*, воссоздающая доверие как основной контекст функционирования современного общества.

Заключение

Отметим, что, с одной стороны, необходимо быть исключительно осторожным при конструировании модернизационной политики и её направленности. Обращусь к знаменитому высказыванию «Метили в коммунизм, а попали в Россию» философа А. Зиновьева, столетие со дня рождения которого отмечается в этом году. Оно ещё раз напоминает о возможности демодернизации и хаоса в ответ на попытку любого поспешного и непродуманного реформирования.

С другой стороны, высокая цена пройденных страной революции заставляет задуматься о том, что они наступили потому, что не произошли своевременно необходимые изменения, накопив тем самым проблемы, за решение которых взялась революция.

Указанные выше два аспекта обнаруживают пределы социального конструирования российского настоящего и будущего. Ни цивилизационный, ни модернизационный проект не являются завершёнными и требуют политики сохранения социокультурной специфики и коллективной памяти, равно как мягкого конструирования с учетом интересов нынешних и будущих поколений России и задач третьего модерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2015. – 720 с.
2. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 210-249.
3. *Аузан А.* Культурные коды экономики: как изменить национальные особенности, не теряя лицо. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/449683-kul-turnye-kody-ekonomiki-kak-izmenit-nacional-nye-osobennosti-ne-teraa-lico> (дата обращения: 03.10.2022).
4. *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.
5. *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. – М.: Рудомино, 2001. – 880 с.
6. *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/gogol-neskolko-slov-o-pushkine.htm> (дата обращения: 03.10.2022).
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 26. Дневник писателя за 1877 г. Сентябрь – декабрь; 1880 г. Август. – Л.: Наука, 1984. – 518 с.
8. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – М.: Эксмо, 2009. – 1170 с.
9. *Карпентьер А.* Самосознание и сущность Латинской Америки // Писатели Латинской Америки о литературе. – М.: Радуга, 1982. – С. 23-29.
10. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-Книга, 2009. – 1197 с.
11. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
12. *Мережковский Д.С.* Пушкин с нами. – URL: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_0140.shtml (дата обращения: 03.10.2022).
13. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. – М.: АСТ, 2008. – 864 с.
14. *Розанов В.В.* А.С. Пушкин. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/rozanov/pushkin.htm> (дата обращения: 03.10.2022).
15. *Тойнби А.Дж.* Постигжение истории. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
16. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФ РАН, 1997. – 255 с.
17. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Г.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
18. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ-Ермак, 2004. – 730 с.
19. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
20. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том 17. Записные книжки. Дневники. – М.: Наука, 1980 – 630с.
21. *Штер Н.* Информация, власть и знание. – СПб.: Алетейя, 2019. – 571 с.
22. *Штомпка П.* Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – 440 с.

23. *Calnan M., Williams S.J., and Gabe J.* Uncertain Times: Trust Matters During The Pandemic. — URL: <https://archive.discoversociety.org/2020/06/01/uncertain-times-trust-matters-during-the-pandemic/> (дата обращения: 03.10.2022).

24. Edelman Trust Barometer 2020. — URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf (дата обращения: 03.10.2022).

25. Edelman Trust Barometer 2021. — URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).

26. Edelman Trust Barometer 2022. — https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2022-01/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer%20FINAL_Jan25.pdf (дата обращения: 03.10.2022).

27. *Eisenstadt S.N., Giesen B.* The Construction of Collective Identity // *European Journal of Sociology*. — 1995. — Vol. 36. — N 1. — P. 72-102.

28. *Eisenstadt S.N.* The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality — Some Analytical and Comparative Indications // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. — Vol. 1. A Collection of Essays by S.N. Eisenstadt. — Leiden: Brill, 2003. — P. 75-134.

29. *Franklin S., Widdis E.* 'All the Russias ...'? // S. Franklin and E. Widdis (Eds.) *National Identity in Russian Culture: An Introduction*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — P. 1-8.

30. *Latour B.* The promises of constructivism // *Chasing Technology: Matrix of Materiality*. Ed by D. Ihde. — Indiana University Press, 2003. — P. 27-46.

31. *Shils E.* Primordial, personal, sacred and civil ties // *British Journal of Sociology*. — 1957. — 8. — P. 130-145.

Поступила в редакцию 09.09.2022 г.